

⁵⁰ См.: Указания Временного областного правительства Урала // Урал. областник. Екатеринбург, 1994. № 1. С. 77–86; № 2. С. 56–84.

⁵¹ См.: *Дмитриев П. Н., Куликов К. И.* Мятёж в ижевско-воткинском районе. Ижевск, 1992; *Дмитриев П. Н.* Временный Прикамский комитет членов Учредительного собрания – орган власти мелкобуржуазной контрреволюции Удмуртии в 1918 г. // Гражданская война в Удмуртии. Ижевск, 1988.

⁵² См.: *Дмитриев П. Н., Куликов К. И.* Мятёж в ижевско-воткинском районе. С. 120–121.

А. Л. Ожиганов

Вооруженные силы А. В. Колчака: современная отечественная историография проблемы

К настоящему времени накопился значительный пласт современной исследовательской литературы, как специальной, так и близкой по тематике, в которой история вооруженных сил А. В. Колчака нашла свое отражение. В связи с новым уровнем состояния науки и оформлением изучения белого движения в самостоятельное научное направление назрела потребность историографического анализа проблемы с целью подведения итогов современного этапа исследования темы, определения новых перспективных направлений работы, формулировки актуальных задач и оптимальных путей их решения.

Важной особенностью современной историографии вооруженных сил Омского правительства является значительное расширение тематики исследований. Если советские военные историки в своих изысканиях концентрировались в основном вокруг боевых действий красных частей, лишь опосредованно освещая вопросы дислокации, оперативных планов и численности белых войск, то с начала 90-х гг. в поле зрения отечественных ученых попадает практически все многообразие проблем, связанных с историей Белой армии на Востоке страны.

Прежде всего необходимо отметить рост числа публикаций по истории белых воинских формирований, которые пытаются восполнить пробел, существовавший в советской литературе. В ряде работ рассматривается боевой путь не только отдельных армий¹,

но и некоторых частей и соединений Омского правительства². Впервые стали публиковаться боевые расписания колчаковских армий (с указанием имен командиров вплоть до отдельных подразделений), появились справочники о частях и соединениях белых на Восточном фронте³. К сожалению, большинство публикаций по этой теме являются малоформатными изданиями (тезисы и небольшие статьи), носят обзорный характер и грешат неточностями.

В последнее время усиливается интерес историков к проблеме национальных воинских формирований армии Колчака, которая рассматривается через призму национальной политики Омского правительства⁴. Большинство авторов сходятся на мнении, что боязнь раскола армии по национальному признаку, неверие в боеспособность национальных формирований и их надежность, неприязнь к этим частям и их бойцам как таковым заметно снижали эффективность их применения.

За последние годы на фоне активного изучения карательной политики и органов политического розыска большевистской диктатуры во время Гражданской войны все более заметным становится стремление отечественных историков преодолеть отставание в исследовании армейских органов по борьбе со шпионажем и политическими антиправительственными выступлениями белого движения. В этом направлении, особенно применительно к власти А. В. Колчака, сделаны значительные шаги. Прежде всего заслуживают внимания статьи Н. В. Грекова о белой разведке и контрразведке армии Колчака⁵. Несмотря на ограниченные возможности архивных источников по этому вопросу, автор ввел в научный оборот богатую информацию о структуре, методах работы и эффективности спецслужб белого движения Сибири. Работы Н. В. Грекова были существенно дополнены исследованием В. Ж. Цветкова⁶, который попытался сопоставить колчаковские спецслужбы и разведывательные и контрразведывательные органы других белых правительств. В частности, В. Ж. Цветков отметил, что стратегическая разведка на Востоке существенно уступала вооруженным силам Юга России. Нередко отсутствие полных сведений о частях РККА, противостоящих колчаковским армиям, приводило к серьезным оперативным просчетам военного командования (например,

во время обороны Омска осенью 1919 г.). К особенностям сибирской контрразведки автор отнес ее достаточно четкую организационную структуру, тесное взаимодействие с органами омского Министерства внутренних дел, а также меньшую степень вовлеченности в политические акции правительства. Тесно переплетаются с вышеназванными исследованиями статьи В. Г. Балковой и Е. А. Корневой, в которых предметом специального изучения стала деятельность колчаковских спецслужб по освещению политических настроений населения и войск⁷.

Смелой попыткой ликвидировать еще одно белое пятно в изучении противобольшевистских вооруженных сил стали статьи и диссертация Ю. П. Доронина об авиации белых армий, в которых исследуются вопросы ее снабжения и применения, состояния самолетного парка, а также структура управления воздушным флотом на Восточном фронте и подготовка кадров авиации армии А. В. Колчака⁸.

Не менее интересны по новизне затронутых проблем статьи И. Ф. Плотникова и Н. А. Кузнецова о речных боевых флотилиях белых на Каме и сибирских реках⁹, во многом созвучных тем, что рассматриваются в книге офицера-эмигранта Н. З. Кадесникова по истории борьбы белых под Андреевским флагом¹⁰. Эти работы были значительно дополнены материалами 4-го тематического номера альманаха «Белая гвардия» (М., 2000), посвященного истории белого флота, в котором впервые приведены боевые расписания белых флотов и флотилий, опубликованы мемуары флотских офицеров, отражающие морские сражения на Восточном фронте.

Особого внимания заслуживает статья Д. Г. Симонова, в которой впервые на основе большого количества архивных документов детально рассмотрен вопрос о военном строительстве в тыловых округах колчаковской армии в 1919 г.¹¹ Проанализировав процесс проведения массовых мобилизаций населения в Белую армию и отметив достаточно успешные их итоги, Симонов обратил внимание на неустойчивость тыловых частей, их ненадежность в бою, высокий процент дезертирства, а также низкий моральный облик тылового офицерства колчаковских войск. Историк полагает, что в армию шли прежде всего лояльные к власти Колчака слои населения (интеллигенция, беженцы, деревенская молодежь в возрасте

17–22 лет), однако они не были достаточно обучены и подготовлены и по прибытии на фронт не знали, как им действовать в непривычной обстановке. В отличие от большевиков руководители белого движения так и не осмелились использовать запасных солдат старших возрастов, имевших боевой опыт Первой мировой войны, поскольку считали их политически неблагонадежными. В итоге все это, по мнению исследователя, и предопределило провал военно-организационных усилий белого командования в тыловых военных округах российской армии.

Несмотря на то, что история отдельных подразделений Белой армии на Востоке страны разрабатывается достаточно активно, в современной литературе довольно скромно представлены исследования, посвященные оперативным планам Ставки Колчака. При этом современные авторы все больше склоняются к точке зрения, представленной в работах советского историка Г. Х. Эйхе. Так, например, И. Ф. Плотников, затронувший вопрос о выработке и реализации плана генерального наступления колчаковской армии весной 1919 г., пытается выступить против признания северного оперативного направления в качестве основного и доказывает, что главной целью Ставки Колчака было соединение с Деникиным¹². Этой же точки зрения придерживаются Н. П. Шуранов и С. Г. Шушпанов. Свои выводы они строят на факте сосредоточения против 5-й Красной армии Западной армии Ханжина, имевшей почти четырехкратное превосходство, что было, по мнению С. Г. Шушпанова, результатом превосходной перегруппировки имеющихся сил на направлении главного удара с целью соединения с армией Деникина¹³.

Заслуживает внимания статья А. Б. Езеева, в которой рассмотрен вопрос взаимодействия южного и восточного регионов антибольшевистского движения в России¹⁴. Автор на конкретных фактах доказывает, что связь между Югом и Востоком была крайне ненадежна и поддерживалась посылкой офицеров, разного рода «миссиями», которые из-за отсутствия связи вынуждены были действовать на свой страх и риск. Основной поток подобных эмиссаров шел с Юга на Восток, несмотря на то, что формальный центр белого движения располагался на Востоке. Совместные действия вооруженных сил Юга и Востока не планировались. Высказыва-

лись лишь отдельные предложения на этот счет, но из-за дальности расстояний и реальной стратегической обстановки они не разрабатывались. Таким образом, работа А. Б. Езеева ставит под серьезное сомнение распространенные в советской историографии утверждения об «объединенности» и «комбинированности» всякого рода «походов» белых армий.

Слабое внимание современных историков к оперативно-тактическим вопросам военной истории армии Колчака отчасти компенсируется исследованием проблем, связанных с историей отдельных боевых операций белых на восточном фронте¹⁵. При этом наблюдается явное преобладание работ публицистического и военно-исторического плана, посвященных одному из самых трагичных эпизодов в истории белого движения – так называемому Великому Сибирскому походу колчаковских армий (ноябрь 1919 – февраль 1920 г.)¹⁶.

Близко примыкает к обозначенной тематике вопрос о карательных операциях колчаковских войск в тылу, поставленный в статьях Е. А. Бушарова, С. П. Звягина и В. А. Шулдякова¹⁷. Все три историка пришли к выводу, что вовлечение армии во внутренние дела «колчакии» крайне отрицательно сказалось как на белом режиме, так и на самой армии. Результатом этого стал произвол военных властей на местах, негативное отношение населения к режиму, отвлечение значительной части армии с внешнего фронта на внутренний и, как результат, поражение колчаковской армии на обоих фронтах. К сожалению, основное внимание авторы уделяют вопросам белого террора, произвола военнослужащих и милитаризации административного управления режима Колчака, а не методам борьбы белых с партизанами и конкретным боевым операциям колчаковских войск в собственном тылу.

Пробел в изучении вопросов функционирования аппарата военного управления армии А. В. Колчака был ликвидирован диссертацией московской исследовательницы Л. Н. Варламовой. Рассмотрев законодательные и нормативные акты по организационному устройству всех органов центрального военного управления колчаковской армии, Варламова пришла к выводу, что немалую лепту в поражение вооруженных сил Колчака внес сам аппарат военного управления, его организационное устройство и деятель-

ность: излишняя приверженность дореволюционным аналогам в области управления руководящими органами и войсками, непродуманность целого ряда стратегических и тактических операций, подготовленных в недрах военного аппарата, нечеткая организация военного сообщения и снабжения армии¹⁸.

Несмотря на то, что вышеназванные работы вводят в научный оборот новые источники и факты, они во многом иллюстративны и не складываются в целостную картину. Поэтому особую ценность для современной историографии представляют обобщающие исследования по истории вооруженных сил правительства Колчака.

Первой и пока единственной работой, в которой предпринята попытка комплексного подхода к поставленной проблеме, является монография С. И. Константинова¹⁹. В ней исследуются характер и особенности вооруженных формирований противобольшевистских правительств Поволжья, Урала и Сибири в годы Гражданской войны, в том числе рассматриваются некоторые аспекты военного строительства в русской армии А. В. Колчака: реорганизация структуры управления вооруженными силами Омского правительства, идеологическая обработка личного состава и тыловое обеспечение, внутренние противоречия в армии и их влияние на боеспособность войск, причины поражения Белой армии на Востоке России.

С. И. Константинов попытался пересмотреть многие ошибочные выводы советской историографии. В частности, обрисовывая тяжелое положение в деле снабжения армии Верховного правителя, историк говорит о том, что «сытая, отлично обутая, до зубов вооруженная колчаковская армия такой же ложный стереотип, как и поголовно одетая в лапти Красная армия». Даже по официальным советским данным по орудиям, пулеметам, бронепоездам, самолетам преимущество всегда находилось на стороне Красной армии, достигая пятикратного²⁰.

Причинами военных неудач колчаковской армии, по мнению автора, были военные и политические ошибки руководства русской армии, которые в свою очередь были отражением борьбы внутри руководства и между державами Антанты, а также целый комплекс противоречий: борьба за власть между старым и новым генералитетом производства Комуча, Директории и А. В. Колчака,

конфликты офицеров-фронтовиков с офицерами тыловых учреждений и штабов, между правительством и атаманами и др. Все это позволило автору сделать вывод о том, что «противобольшевистские силы состояли из сложного конгломерата разнонаправленных сил, каждая из которых преследовала свои интересы»²¹.

Наметившаяся в недавнее время тенденция социологизации истории Гражданской войны объективно подводит современных историков к вопросу о роли различных социальных слоев в политических событиях 1917–1920 гг. В первую очередь это касается изучения социального состава белых армий. Особенно актуализируется проблема участия в белом движении российского офицерства, идеология которого идентифицируется с идеологией самого белого движения. Если в советской историографии офицеры противобольшевистских армий всегда показывались с негативной стороны, только как контрреволюционеры, реакционеры, враги народа, то в последнее время появились противоположные, даже восторженные оценки. Значительное внимание стало уделяться персоналиям офицеров и генералов вооруженных сил белых правительств, в том числе и на востоке России. Появились биографические очерки и статьи о Верховном правителе и Верховном главнокомандующем белой России А. В. Колчаке²², а также о высших офицерах Белой армии: В. В. Анненкове, Р. Гайде, М. К. Дитерихсе, А. И. Дутове, С. Н. Войцеховском, В. О. Каппеле, А. Н. Пепелясе, Г. М. Семенове, М. В. Ханжине и др.²³ Все это в немалой степени способствует ликвидации одного из «белых пятен» в историографии Гражданской войны.

Спор о необходимости нового подхода к социальной опоре лагеря контрреволюции и мотивах участия в нем офицерства открылся работой А. Г. Кавтарадзе. В вышедшей в 1988 г. монографии, являющейся фундаментальным исследованием по этой проблематике, А. Г. Кавтарадзе, возражая Л. М. Спирину, на конкретных фактах доказывает, что у большинства белых офицеров отсутствовало какое-либо движимое и недвижимое имущество. Кроме того, он делает вывод о том, что «точка зрения о “подавляющем большинстве” российского офицерства, сразу же выступившем с “оружием в руках” против Советской власти, не имеет реальной основы»²⁴. Только часть офицерства, оказавшаяся в колчаковской и

деникинской армии делала сознательный классовый выбор, большинство же поступало на службу, испытывая материальные затруднения или по принуждению. Как справедливо отмечает историк, слом старой армии и упразднение ее офицерского корпуса нанесли тяжелый удар по всем категориям офицерства. Поэтому при рассмотрении судеб российского офицерства после Октябрьской революции не следует огульно зачислять его в лагерь контрреволюции, не учитывая всей совокупности объективных и субъективных факторов.

Немало аналогичных рассуждений можно встретить в статьях В. М. Войнова и С. И. Константинова, посвященных анализу численности, удельного веса и политических позиций белого офицерства на Востоке страны²⁵. Они обратили внимание на раскол в среде колчаковского командного состава и сделали вывод о том, что, оказавшись перед дилеммой, за кого воевать, большая часть офицеров сделала свой выбор в пользу большевистской диктатуры, выбрав из двух зол меньшее.

С середины 1990-х гг. заметно возрастает внимание к офицерскому корпусу как основе армии Колчака, причем скорее не к социальному происхождению и политическим настроениям, а к проблемам численности, образовательного уровня, денежного содержания и довольствия, чиновничества, комплектования, обучения, разным сторонам быта офицерства. Все это стало предметом специального внимания в работах К. Л. Бусыгина, А. Ю. Бушина, В. В. Каминского, С. И. Константинова, Д. Г. Симонова²⁶. Большинство авторов подтвердили тезис советского историка Г. Х. Эйхе о том, что острая нехватка кадров стала одной из причин поражения армии Колчака.

Итогом разработки данной проблемы в отечественной историографии стали диссертация и монография челябинского ученого Е. В. Волкова об офицерском корпусе вооруженных сил адмирала А. В. Колчака²⁷. В своих исследованиях автор на основе большого массива материалов из местных и центральных архивов, а также мемуаров выявил источники комплектования офицерского корпуса, определил количественный, национальный, социальный состав колчаковских офицеров, проанализировал уровень подготовки командных кадров, рассмотрел самосознание и политические взгляды

ды офицерства, показал благосостояние и быт командного состава армий, раскрыл роль офицерского корпуса в Гражданской войне на Востоке России и основные факторы, способствовавшие его неустойчивости. Е. В. Волков не только суммировал накопленный по данному вопросу многолетний исторический опыт, но и ввел в научный оборот много нового фактического материала.

Начавшийся в начале 90-х гг. процесс возрождения казачества с особой остротой поставил вопросы изучения его исторического прошлого, особенно на переломных этапах развития Российского государства. Ученые, наконец, всерьез взялись за изучение проблемы участия казачества в белом движении, появилось много интересных работ по истории казачества восточных регионов России в годы Гражданской войны.

Современные исследователи пересмотрели прочно закрепившийся в советской историографии стереотип, согласно которому беднейшие казаки поддерживали Советскую власть, середняки колебались, но в конечном счете тоже выступили на ее стороне, а кулачество было контрреволюционным. Так, уральский историк В. Ф. Мамонов отмечает, что большинство именно «трудовых» казаков и даже многие беднейшие воевали на стороне белых, причем «не за страх, а за совесть»²⁸. Анализ сохранившихся по ряду станиц Оренбургского казачьего войска данных о добровольцах Белой армии позволил историку сделать вывод о том, что в Белую армию казаки шли добровольцами независимо от имущественного положения: и бедняки, и середняки, и кулаки.

В некоторых работах предпринята попытка проследить процесс формирования отдельной Оренбургской и отдельной Уральской белоказачьих армий и определить их место и роль в системе вооруженных сил Колчака²⁹. А. В. Ганин, М. Д. Машин, В. С. Семьянинов, В. Ф. Мамонов и другие историки наряду с высокими боевыми качествами отметили неблагонадежность казачьих частей, поскольку казаки не желали выходить за пределы своих территорий и проливать кровь за другие слои населения. В. Ф. Мамонов обратил внимание на сложность и противоречивость взаимоотношений казачьих атаманов и руководителей с правительством Колчака, их конфликты на почве казачьего сепаратизма и неподчинения приказам из центра. Вопреки тезису М. Д. Машина

и В. С. Семьянинова о полном подчинении казаков власти Колчака, историк пришел к выводу, что казачьи соединения были подчинены правительству Колчака лишь в оперативном отношении, правда, зачастую не было и этого. Все это серьезно затрудняло организацию единого фронта борьбы с Советской властью³⁰.

Участие рабочих в армии Колчака, возникновение этого классового парадокса отмечали главным образом эмигрантские и иностранные историки. В советской литературе из всех сюжетов, связанных с этой темой, продолжали разрабатываться лишь те, которые касались подавления повстанцев Красной армией, а участие рабочих в Белой армии просто замалчивалось. Впервые после долгого перерыва к данной теме обратился публицист И. Кобзев, статья которого в журнале «Огонек» о судьбе ижевских и воткинских рабочих, поднявших вооруженный мятеж против большевиков, добровольно вступивших в армию Колчака, вызвала большой резонанс у общественности³¹. Специальных исследований о мотивах участия рабочих в колчаковском движении пока мало, и они ограничиваются в основном показом боевого пути Ижевской и Воткинской дивизий³².

Пробел в отсутствии конкретных сведений о социальном составе армии Колчака во многом восполнила работа Ю. Н. Ципкина, который провел статистический анализ анкет эмигрантов Харбинского комитета помощи русским беженцам за 1932 г.³³ Полученные данные позволили автору сделать вывод о том, что в армии Колчака воевали представители всех сословий России, подавляющее большинство солдат и офицеров представляли мобилизованные низшие трудовые сословия. Что касается добровольцев, то большинство из них не имели движимого и тем более недвижимого имущества, поэтому тезис о том, что добровольцами в Белую армию шли преимущественно наиболее зажиточные люди – кулаки, а белые части комплектовались по классовому принципу, не является правомочным.

Статистические выкладки Ю. Н. Ципкина были существенно дополнены исследованием А. А. Мышанского, в котором большое внимание уделено анализу политического настроения колчаковской армии. А. А. Мышанский пришел к выводу, что настроения как широких солдатских масс, так и офицерства в первой половине

1919 г. различались на фронте и в тылу. Если солдаты тыловых гарнизонов были настроены антиправительственно, то солдаты и офицеры-фронтовики были по-прежнему настроены антисоветски и были готовы поддерживать колчаковский режим в борьбе с большевиками. Основными социально-психологическими детерминантами, определявшими психологический климат в колчаковской армии, по мнению автора, были длительное отступление, низкая моральная убежденность военных в своей правоте, враждебность местного населения. Главной же причиной разложения армии Колчака стало нежелание большинства офицеров и солдат воевать за идеалы «белой» России и их неверие в победу. В этих условиях, по мнению Мышанского, победу могла одержать лишь «партия порядка», в качестве которой население в конце 1919 г. воспринимало только большевиков.

В связи с изучением вопроса об участии различных социальных слоев на стороне белых особенно актуальной становится проблема пропагандистской работы среди населения и в вооруженных силах противобольшевистских правительств, а также вопросы социально-психологического противоборства между красными и белыми. Появилось множество исследований, в которых эта проблема рассматривается на примере агитационно-пропагандистских органов армии Верховного правителя. В той или иной степени этот вопрос нашел свое отражение в трудах О. Т. Базалийской, С. И. Константинова, С. Н. Лютого, Л. А. Молчанова, В. В. Дубленных и других исследователей³⁴. При этом наиболее подробное освещение он получил в трудах А. Л. Посадскова³⁵ и диссертационном исследовании Д. Н. Шевелева³⁶. На фоне пристального внимания историков к проблемам идеологии белого движения усилился интерес историков к армейской символике вооруженных сил правительства А. В. Колчака³⁷.

Большинство названных выше авторов сходятся на том, что основная идея борьбы была далеко не всем ясна и определенно выражена. Подновленная усилиями Омского правительства белая пропагандистская машина не успела набрать обороты и работала менее эффективно, чем красная. Именно с отсутствием прочной идеологической базы многие историки связывают крах армии Колчака.

Близко подходят к поставленной проблеме появившиеся в последнее время работы М. В. Булавина, Н. Егорова, С. И. Константинова, А. М. Лосунова, И. Д. Эйнгорна по вопросам использования религиозных убеждений населения в целях создания и укрепления белых армий³⁸. По мнению современных историков, попытки лидеров белого движения опереться на религиозное сознание населения России в условиях смутного времени потерпели неудачу. Так, И. Д. Эйнгорн считает, что активное сотрудничество колчаковской контрреволюции с духовенством, реорганизация военно-церковного аппарата Сибири, увеличение количества военных проповедников, создание религиозных боевых «Дружин Святого Креста» лишь подорвали авторитет церкви в глазах верующих³⁹.

Таким образом, анализ современной литературы по поставленной проблеме позволяет нам сделать вывод о том, что наступил новый этап в изучении темы, когда различные аспекты военного строительства Белой армии стали предметом специального изучения. Появились первые исследования, посвященные истории формирования и боевого пути различных подразделений армии Колчака, особенностям организации их управления и снабжения, обучению и комплектованию командных кадров, идеологической обработке личного состава. Существенные сдвиги произошли в изменении подходов к социальной базе колчаковского движения, мотивам участия в нем офицеров, казачества, рабочих и других социальных слоев российского общества, были пересмотрены многие стереотипы, существовавшие в советской литературе. Много усилий предпринимается для персонификации истории белого движения, определения роли его лидеров в происходивших событиях. Однако необходимо отметить, что история антибольшевистских вооруженных сил сравнительно недавно вошла в круг проблем, активно изучаемых российскими исследователями, поэтому работа историков по восполнению пробелов, существовавших в советской литературе, зачастую сводится к реконструкции фактологической истории. Отсюда практически полное отсутствие смелых выводов, концептуальных построений и фундаментальных обобщающих исследований по этой проблеме. Кроме того, по-прежнему основным продуктом военно-исторических исследований яв-

ляются малоформатные издания, которые зачастую носят либо обзорный характер, либо рассматривают очень узкий вопрос. Дробление проблематики или ее растворение в рамках более общих проблем не способствует созданию целостного представления об объекте исследования. За рамками научного анализа остались вопросы военно-стратегического планирования колчаковской Ставки, сопоставления материальных сил и материальной базы воюющих сторон, социального состава, численности и особенностей комплектования отдельных частей и соединений Белой армии на Востоке страны. Поэтому темы, поднятые в трудах военных историков белого движения, нуждаются в дальнейшей разработке и прежде всего в комплексном анализе, тем более что Восточный фронт является единственным фронтом Гражданской войны, для изучения которого современные исследователи имеют возможность воспользоваться почти всеми военными архивами противобольшевистских сил.

¹ См.: *Дерябин А.* Белые армии в гражданской войне в России. М., 1994; *Он же.* Гражданская война в России. Сибирская армия. 1918 г. // Цейхгауз. 1993. № 1 (2); *Дубленных В. В.* Части Белой армии на Урале // Словцовские чтения—97: Тез. докл. и сообщ. науч.-практ. конф. Тюмень, 1997; *Шулдяков В. А.* Великий сибирский поход колчаковских армий (ноябрь 1919 – февраль 1920 г.): Очерки истории гражданской войны // Изв. Омск. гос. ист.-краев. музея. Омск, 1994. № 3; и др.

² См.: *Дубленных В. В.* Екатеринбургская дивизия Колчака // Ист. чтения: Мат. науч. конф. Центра ист.-культ. наследия. Челябинск, 1998; *Кручинин А. М.* 7-я уральская дивизия горных стрелков в гражданской войне на востоке России в 1918–1920 гг. // Первые уральские воен.-ист. чтения: Материалы регион. науч. конф. Екатеринбург, 1997; *Плотников И. Ф.* К истории формирования и боевого пути Ижевской дивизии (бригады) // История «белой» Сибири: Тез. третьей науч. конф. Кемерово, 1999; *Шушпанов С. Г.* Забытая дивизия // Белая армия. Белое дело. Ист. науч.-попул. альманах. Екатеринбург, 1997. № 3, 4; и др.

³ См.: Боевые расписания Белых армий // Белая гвардия: Альманах. М., 2001. № 1; *Волков С. В.* Белое движение в России: организационная структура. Материалы для справочника. М., 2000; *Клавинг В. В.* 30 армий Белой гвардии // Белая гвардия. СПб., 1999; и др.

⁴ См.: *Муртазин М.* Башкирия и башкирские войска в гражданскую войну // Ватандаш (Соотечественник). Уфа, 1998. № 10–12; *Плотников И. Ф.* Формирование и боевой путь отдельной Башкирской кавалерийской бригады (1918–1921 гг.) // Вторые уральские воен.-ист. чтения: Материалы регион. науч. конф. Екатеринбург, 2000; *Подпрятков Н. В.* Роль национальных воинских формиро-

ваний в годы гражданской войны на восточном театре военных действий: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Пермь, 1994; *Полтораки С. Н.* Иностранцы в Сибири – заложники «белой» и «красной» идей // История «белой» Сибири: Тез. второй науч. конф. Кемерово, 1997; и др.

⁵ См.: *Греков Н. В.* Контрразведка и органы государственной охраны белого движения в Сибири (1918–1919 гг.) // Изв. Омск. гос. ист.-краев. музея. Омск, 1997. № 5; *Он же.* Разведывательная служба армии Колчака // История «белой» Сибири: Тез. третьей науч. конф.; *Он же.* Формирование контрразведывательной службы армии Колчака // История «белой» Сибири: Тез. второй науч. конф.

⁶ См.: *Цветков В. Ж.* Спецслужбы (разведка и контрразведка) Белого движения в 1917–1922 гг. // Вопр. истории. 2001. № 10.

⁷ См.: *Балковская В. Г.* Материалы военной контрразведки как источник сведений по политической истории дальневосточного периода гражданской войны (1918–1920 гг.) // Эволюция и революция: опыт и уроки мировой и российской истории: Материалы междунар. науч. конф. Хабаровск, 1997; *Корнева Е. А.* Контрразведка А. В. Колчака: организация и освещение политических настроений населения и войск // Новый ист. вестн. М., 2000. № 1.

⁸ См.: *Доронин Ю. П.* Авиация белых армий на Восточном фронте // Белая армия. Белое дело. Екатеринбург, 1997. № 4; *Он же.* Воздушный флот Белых армий России в годы гражданской войны (1918–1920 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1997; *Он же.* Подготовка кадров авиации армии А. В. Колчака // Белая армия. Белое дело. Екатеринбург, 2002. № 10; *Он же.* Курганская военно-авиационная школа на службе в колчаковской авиации // История «белой» Сибири: Тез. четвертой науч. конф. Кемерово, 2001.

⁹ См.: *Плотников И. Ф.* Камская речная боевая флотилия белых (1918–1919) // Первые уральские воен.-ист. чтения; *Кузнецов Н. А.* Андреевский флаг над Енисеем // Белая гвардия. М., 2001. № 5; *Он же.* К истории Обь-Иртышской речной боевой флотилии // История «белой» Сибири. Тез. четвертой науч. конф.

¹⁰ См.: *Кадесников Н. З.* Краткий очерк белой борьбы под Андреевским флагом на суше, морях, озерах и реках России 1917–1922 гг. СПб., 1992.

¹¹ См.: *Симонов Д. Г.* К вопросу о военном строительстве в тыловых округах колчаковской армии в 1919 году // Гражданская война на востоке России. Проблемы истории: Бахрушинские чтения 2001 г. Новосибирск, 2001.

¹² См.: *Плотников И. Ф.* К вопросу о выработке и реализации плана генерального наступления армии Колчака весной 1919 г. // Судьба России: исторический опыт XX столетия: Докл. третьей Всерос. конф. Екатеринбург, 1998. Ч. 1; *Он же.* К вопросу о выработке и реализации плана генерального наступления Русской армии А. В. Колчака весной 1919 г. // История «белой» Сибири: Тез. четвертой науч. конф.

¹³ См.: *Шушпанов С. Г.* Забытая дивизия. С. 26; *Шуранов Н. П.* Колчак: поход на запад и начало конца колчаковщины // История «белой» Сибири: Тез. второй науч. конф. С. 53.

¹⁴ См.: *Езеев А. Б.* Добровольческая армия и Сибирь (1917–1919) // Белое движение на Юге России (1917–1920): неизвестные страницы и новые оценки. М., 1997.

¹⁵ См.: *Балмасов С. С.* Конные атаки уральских казаков против броневтомобилей // *Белая гвардия*. № 5; *Он же.* Лбищенский рейд и уничтожение штаба Чапаева 5 сентября 1919 г. // Там же; *Новиков П. А.* Борьба за Иркутск, 1917–1920 // Там же; *Бушин А. Ю.* «Белая» гвардия в сражениях на Восточном фронте // *Вопросы археологии, истории и этнологии Дальнего Востока. Владивосток*, 1997.

¹⁶ См.: *Апрелков А. В., Попов Л. А.* Казачий генерал Зуев: из истории ледового похода Сибирской белой армии // *Вестн. Челяб. ун-та. Сер. 1, История*. 1994. № 1; *Аференко В. А.* Обход Красноярска колчаковской армией в начале 1920 г. // *Гражданская война в Сибири: Сб. докл. и ст. науч. конф.* Красноярск, 1999; *Батожок И. А. И. И.* Серебренников. Великий отход. Рассеяние по Азии белых русских армий, 1919–1923 // *Клио: Межвуз. журн. для ученых*. СПб., 1997. № 2; *Луфференко А.* Великий Сибирский Ледяной поход (краткая хроника) // *Белая гвардия*. М., 2000. № 3; *Новиков П. А.* Движение белых войск по северу Иркутской губернии в начале 1920 г. // *История «белой» Сибири: Тез. четвертой науч. конф.*; *Петрушин А.* Белый поход // *Сибирский тракт: Лит. и ист.-краев. журн.* Тюмень, 1995. № 1–2; *Шулдяков В. А.* Великий Сибирский поход колчаковских армий; *Шуранов Н. П.* Колчак: поход на запад и начало конца колчаковщины // *История «белой» Сибири: Тез. второй науч. конф.*

¹⁷ См.: *Звягин С. П.* Привлечение колчаковской армии к наведению порядка в тылу: опыт и уроки // *Сибирь в годы гражданской войны: Учеб. пособие*. Кемерово, 1995; *Бушаров Е. А.* Преступления военнослужащих Сибирской белогвардейской армии и местного населения в Тобольской губернии летом 1918 – осенью 1919 г. (по белогвардейским материалам) // *Ежегодник Тюмен. обл. краев. музея*. 1992. Тюмень, 1994; *Шулдяков В. А.* Материалы к истории Сибирского казачьего войска периода Гражданской войны: охрана порядка и борьба с восстаниями и партизанами в тылу (1918–1919) // *Белая армия. Белое дело*. Екатеринбург, 2000. № 8.

¹⁸ См.: *Варламова Л. Н.* Вооруженные силы правительства А. В. Колчака: правовые основы деятельности // *Российская государственность: традиции, преемственность, перспективы: Материалы II чтений памяти проф. Т. П. Коржихой*. М., 1999.

¹⁹ См.: *Константинов С. И.* Вооруженные формирования противобольшевистских правительств Поволжья, Урала и Сибири в годы гражданской войны. Екатеринбург, 1997.

²⁰ См.: Там же. С. 210.

²¹ Там же. С. 229.

²² См.: *Плотников И. Ф.* Александр Васильевич Колчак: Жизнь и деятельность. Ростов н/Д, 1998. С. 288–308.

²³ См.: *Бортневский В. Г.* Белое дело: Люди и события. СПб., 1993; *Вибе П. П.* Материалы к истории гражданской войны в Сибири // *Изв. Омск. гос. ист.-краев. музея*. Омск, 1993. № 2; *Деятели белого движения в Сибири: Из Омск. ист.-краев. словаря / Публ. П. П. Вибе // Отечество*. 1995. Вып. 6; *История «белой» Сибири в лицах: Биогр. справ.* СПб., 1996; *Клавинг В. В.* Кто был кто в Белой гвардии и военной контрреволюции (1917–1923): *Энцикл. справ.* СПб.,

1998; *Шулдяков В. А.* Вожди белоказаков Сибирского войска: Крат. биограф. справки // *Белая армия. Белое дело.* Екатеринбург, 1999. № 6; и др.

²⁴ См.: *Кавтарадзе А. Г.* Военные специалисты на службе Республики Советов, 1917–1920. М., 1988. С. 35–36, 37.

²⁵ См.: *Войнов В. М.* Офицерский корпус белых армий на востоке страны (1918–1920) // *Отеч. история.* 1994. № 6; *Он же.* К вопросу о численности и политических настроениях белогвардейского офицерства Восточного фронта в годы гражданской войны // *История советской России: новые идеи, суждения:* Тез. докл. Тюмень, 1991. Ч. 1; *Константинов С. И.* Трагедия офицерского корпуса белых армий на востоке страны // *Белая армия. Белое дело.* Екатеринбург, 1996. № 1.

²⁶ См.: *Бусыгин К. Л.* Военная школа армии Колчака // *История «белой» Сибири:* Тез. третьей науч. конф.; *Бушин А. Ю.* Из Западной Европы в Сибирь: пополнение офицерскими кадрами армий адмирала А. В. Колчака // Там же; *Каминский В. В.* Русское офицерство и белое движение на Востоке России (1918–1919) // Там же; *Константинов С. И.* Чинопроизводство офицерского корпуса противобольшевистских армий на востоке страны (1918–1920) // *История России первой трети XX в.: историография, источниковедение:* Тез. науч. конф., посв. памяти проф. О. А. Васьковского. Екатеринбург, 1996; *Он же.* Подготовка командных кадров в колчаковской армии // *История «белой» Сибири:* Тез. науч. конф. Кемерово, 1995; *Симонов Д. Г.* К вопросу о комплектовании армии А. В. Колчака командными кадрами // Там же.

²⁷ См.: *Волков Е. В.* Офицерский корпус вооруженных сил адмирала А. В. Колчака: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2000; *Он же.* Колчаковские офицеры: Опыт исторического исследования. Челябинск, 2001; *Он же.* Офицерство в белом движении // *Трагедия русского офицерства.* М., 2001.

²⁸ См.: *История казачества азиатской России:* В 3 т. Екатеринбург, 1995. Т. 3. С. 9.

²⁹ См.: *Балмасов С. С.* Уральское казачье войско в Гражданской войне, 1918–1919 // *Белая гвардия.* № 5; *Ганин А. В.* Южная армия Восточного фронта // *История «белой» Сибири:* Тез. четвертой науч. конф.; *Кобзов В. С.* Военное строительство в Оренбургском казачьем войске в 1917–1919 гг. // *Проблемы социально-экономического и политического развития Урала в XVIII–XX вв.* Челябинск, 1997; *Машин М. Д., Семьянинов В. С.* Вооруженная борьба трудящихся Южного Урала против внутренней и внешней контрреволюции. Иркутск, 1991; *История казачества азиатской России.* Т. 3; *История казачества Урала.* Оренбург; Челябинск, 1992; и др.

³⁰ См.: *История казачества азиатской России.* Т. 3. С. 79–81; *История казачества Урала.* С. 212.

³¹ См.: *Кобзев И.* С красным знаменем против красных // *Огонек.* 1990. № 30.

³² См.: *Дубленных В. В.* Ижевская дивизия Колчака // *Урал. ист. энцикл.* Екатеринбург, 1998. С. 218; *Константинов С. И.* От тайги до британских морей пролег их путь (Как рабочие оказались в армии Колчака) // *Урал. газ.* 1994. № 2; *Плотников И. Ф.* К истории формирования и боевого пути Ижевской дивизии (бригады) // *История «белой» Сибири:* Тез. третьей науч. конф. С. 27–29.

³³ См.: Ципкин Ю. Н. Белое движение в Сибири: люди, идеи, реальность // Белая армия. Белое дело. 1996. № 1.

³⁴ См.: Базалийская О. Т. Агитация и пропаганда белой армии на примере газеты «Великая Русь» (октябрь – декабрь 1919 г.) // История «белой» Сибири: Тез. второй науч. конф.; Константинов С. И. Пропагандистская работа в армии А. В. Колчака // Там же; Лютов В. Н. Из истории издания литературы в Белой армии в годы гражданской войны (по материалам Сибири и Дальнего Востока) // Книга в меняющемся мире: Седьмая науч. конф. по проблемам книговедения. Секция истории книги XX в.: Тез. докл. М., 1992; Молчанов Л. А. «Русское общество печатного дела»: проблемы организации и деятельности // Там же; Он же. Информационно-агитационные учреждения «белой» Сибири (1918–1920) // Белая гвардия. 1998. № 2; Дубленных В. В. Формы и методы привлечения населения Урала к строительству вооруженных сил в годы гражданской войны // Первые уральские воен.-ист. чтения.

³⁵ См.: Посадсков А. Л. Совещание по делам печати как идеологический центр колчаковского правительства (по рассекреченным материалам ГАРФ) // Региональные процессы Сибири в контексте российской и мировой истории: Тез. докл. Всерос. науч. конф. Новосибирск, 1998; Он же. Особый отдел Российского правительства: Из истории пропагандистских спецслужб белой Сибири // История «белой» Сибири: Тез. четвертой науч. конф.; Он же. Отдел печати Всероссийского правительства в Омске: информационно-пропагандистская, издательская и библиографическая деятельность (1918–1919) // Культура и интеллигенция России: социальная динамика, образы, мир научных сообществ (XVIII–XX вв.). Т. 1. Научные сообщества в социокультурном пространстве России (XVIII–XX вв.): Материалы 3-й Всерос. науч. конф. Омск, 1998; Он же. Совещание по делам печати как идеологический центр колчаковского правительства (по рассекреченным материалам ГАРФ) // Ключ: Межвуз. журн. для ученых. СПб., 1997. № 2; Он же. К истории создания Русского общества печатного дела в Омске (1919) // Четвертые макушинские чтения. Новосибирск, 1997.

³⁶ См.: Шевелев Д. Н. Военно-пропагандистская деятельность антибольшевистских правительств Сибири в годы гражданской войны (по материалам периодической печати): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1999.

³⁷ См.: Дуров В. Полужабытая награда: материалы к знакам отличия военного ордена «За Великий Сибирский поход» (1920) // Цейхгауз. 1994. № 3; Он же. Награды белого воинства // Родина. 2000. № 5; Каревский А. А. Эволюция униформы белых армий на востоке России // История «белой» Сибири: Тез. науч. конф.; Симонов Д. Г. Награды в армии адмирала А. В. Колчака // Материалы XXXII Межнунар. науч. конф. «Студент и научно-технический прогресс». История. Новосибирск, 1994; Он же. К вопросу о наградах и чинопроизводстве в белой Сибирской армии (1918) // Материалы XXXIV Междунар. науч. студ. конф. «Студент и научно-технический прогресс». История. Новосибирск, 1996; Шевелев Д. Н. Георгиевские награды в Русской армии Колчака // История «белой» Сибири: Тез. четвертой науч. конф.; Он же. Политическая мифология восточной контрреволюции и ее роль в формировании положительного образа Сибирской армии // Гражданская война в Сибири: Сб. докл. и ст. науч. конф. Красноярск, 1999; и др.

³⁸ См.: *Егоров Н.* Церковь и Белая армия // Военная быль. М., 1996. № 8 (137); *Константинов С. И.* Религия в армии адмирала Колчака // Судьба России: прошлое, настоящее, будущее: Тез. Всерос. конф. Екатеринбург, 1995; *Эйнгорн И.* Союз несбывшихся надежд: Церковь и контрреволюция в Сибири // Наука и религия. 1997. № 2; *Булавин М. В.* Взаимоотношение государственной власти и православной церкви в России в 1917–1927 гг. (на примере Урала): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2000; *Лосунов А. М.* Основные направления деятельности управления главного священника армии и флота на Урале и в Западной Сибири в 1919 г. // Русский вопрос: история и современность: Материалы докл. второй Всерос. науч. конф. Омск, 1994. Ч. 1.

³⁹ См.: *Эйнгорн И.* Союз несбывшихся надежд. С. 23.

*С. Е. Алексеев,
В. Д. Камынин*

Исследователи о возрождении административно-командной системы управления промышленностью Урала на рубеже 1920–1930-х гг.

Рубеж 1920–1930-х гг. является важным этапом в советской истории. Именно в это время происходят процессы свертывания новой экономической политики и возврата к административно-командной системе управления экономикой страны.

В имеющейся историографической литературе отмечается слабая изученность истории управления промышленностью Урала в этот период. По словам Л. М. Красных, «специальных работ по этой теме нет, в изучении некоторых ее аспектов сделаны лишь первые шаги»¹. Нам кажется, что такое утверждение не отражало реального положения дел даже в советской историографии. Дело в том, что автор не проанализировал специальную литературу по этому вопросу, ограничившись перечислением трудов по истории промышленности Урала в годы первой пятилетки. В частности, им не была замечена работа Г. Г. Гараева, в которой приводился богатый фактический материал о реорганизации системы управления промышленностью Урала во второй половине 1920-х гг.

История управления промышленностью Урала на заключительном этапе нэпа стала изучаться сразу же по горячим следам